

В переписке Мелодора и Филалета, опубликованной в «Аглае», сомнения Карамзина в прежних идеалах нашли наиболее яркое выражение. Мелодор вспоминает, как они с Филалетом, «сличая разные времена, древние с новыми, искали и находили доказательство любезной им мысли. что род человеческий возвышается и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству» (II, 246). Кровопролитная война в Европе ужасает Мелодора: не столько сама по себе, сколько ее последствия страшат его. Представляя себе «падение наук», Мелодор с тревогой спрашивает: «... что же будет с миром, с *целым* человеческим родом?» (II, 248). Но Филалет, «другой голос» Карамзина, стремится найти утешительные аргументы. Размышляя об историческом пути человечества, Филалет уже намечает определенные закономерности. Впервые у Карамзина здесь появляется новое отношение к средневековью, прежде знаменовавшему для него эпоху варварства (так о ней и пишет Мелодор). «Ты указываешь мне, — отвечает Филалет, — на варварство средних веков, наступившее после греческого и римского просвещения; но самое сие так называемое варварство (в котором, однако ж, от времени до времени сверкали блестящие, зрелые идеи ума) не послужило ли *в целом* к дальнейшему распространению света наук?» (II, 257). Соответственно утверждается и отношение к древнегреческой культуре как к раннему периоду развития человечества, его юности: «Самые греки — я люблю их, мой друг, но они были не что иное, как — милые дети! Мы удивляемся их разуму, их чувству, их талантам, но так, как взрослый человек удивляется иногда разуму, чувствам и талантам юного отрока» (II, 257). Теперь писателю важно подчеркнуть не цикличность исторического развития, а его поступательный характер («веки служат разуму лестницею, по которой выпяется он к своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно») и неповторимость каждой эпохи («всякий век имеет свой особый нравственный характер, — погружается в недра вечности и никогда уже не является на землю в другой раз») (II, 258).

Представление о неповторимом, наивном и прекрасном мире древней Греции, навсегда ушедшем в небытие, отразилось в повести Карамзина «Афинская жизнь». Обнаруживая тесную связь повести с эволюцией всего мировоззрения писателя, Ю. М. Лотман справедливо заметил: «Специфика повести в том, что вся ее сюжетная часть описывает не реальные жизненные факты, а условный мир, созданный произволом авторской фантазии».²⁹ Для нас, однако, важно, что мир, привлекающий воображение Карамзина, при всей своей условности — не абстракция, он имеет определенные хронологические и пространственные координаты. В этом отношении «Афинская жизнь» продолжает попытку, предпринятую в «Наталье, боярской дочери»: там старая Русь, здесь древ-

²⁹ Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина, с. 144